

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В “СИСТЕМЕ ТРЕХ МОРЕЙ”: ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ И ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ

© 2016 г.

Предлагаем вниманию читателей отчет о заседании круглого стола, проведенного в редакции журнала “МЭ и МО” 22 апреля 2016 г. В заседании приняли участие: Арешев А.Г., н.с. ИВ РАН; Бредяхин А.В., н.с. ИМЭМО РАН; Воркунова О.А., к.и.н., с.н.с. ИМЭМО РАН; Гончаренко С.Н., д.и.н., МИД РФ; Крылов А.Б., д.и.н., в.н.с. ИМЭМО РАН; Муртазин М.Ф., к.филос.н., в.н.с. ИМЭМО РАН; Муханов В.А., к.и.н., с.н.с. МГИМО(У) МИД РФ; Надеин-Раевский В.А., к.филос.н., с.н.с. ИМЭМО РАН; Притчин С.А., к.и.н., н.с. ИВ РАН; Рябов А.В., к.и.н., гл. ред. “МЭ и МО”; Силаев Н.Ю., к.и.н., директор Центра сравнительных исследований стран Евразии МГИМО (У) МИД РФ; Скаков А.Ю., к.и.н., в.н.с. ИВ РАН; Сотников В.И., к.и.н., с.н.с. ИВ РАН.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Черное, Средиземное, Каспийское моря, региональная безопасность, конфликты.

Материал поступил в редакцию 03.06.2016.

DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-10-

Рябов А.В.

В последнее время Южный Кавказ после некоторой паузы вновь оказался в фокусе внимания центров мировой политики. Тому есть очевидные причины: превращение Черного моря в зону конфронтации между Россией и НАТО, что в решающей степени явилось результатом резкого обострения российско-украинских и российско-турецких отношений, новая вспышка военного противостояния в Нагорном Карабахе. Меняется и геополитический контекст, в котором находится Южный Кавказ. Из полупериферийного региона, каковым он был в недалеком прошлом, он становится частью более обширного региона, простирающегося между тремя морями – Черным, Каспийским и Средиземным. На развитие государств Южного Кавказа начинают воздействовать не только внутренние вызовы и региональные конфликты, но и внешние по отношению к нему силы и интересы, действующие на этой обширной территории. В среде аналитиков даже возникло предположение, что регион, о котором идет речь, уже превращается в своеобразную региональную “систему трех морей”, и Южный Кавказ занимает в этой системе важное в геополитическом и геоэкономическом плане место. Вопросы, связанные с ны-

нешним состоянием Южного Кавказа и находящихся на его территории государств в контексте отмеченных изменений, и хотелось бы обсудить в рамках нашего круглого стола. Предлагаю построить нашу работу таким образом: сначала рассмотреть саму концепцию “системы трех морей”, затем попытаться оценить международное положение и внешнюю политику стран Южного Кавказа в этой системе и, наконец, проанализировать роль некоторых внешних игроков, обсудить значение региональных экономических связей, энергетического транзита и интеграционных проектов для региона. Итак, начнем с “системы трех морей”.

Воркунова О.А.

Концепция “системы трех морей” (Средиземноморье, Черноморье, Каспий), согласно армянскому ученому и дипломату Д. Оганесяну, базируется как на традиционном политико-географическом, так и на ценностном понимании термина “регион”. Определяющая характеристика “системы трех морей” – общие доминантные ценности и общие угрозы. Учитывая комплексный характер изменений под воздействием внешних и региональных факторов, этот регион вполне отвечает понятию системы.

Нынешний этап трансформации “системы трех морей” развивается под влиянием стремительно нарастающих угроз региональной безопасности, эскалации транснационального экстремизма, радикального исламизма, неурегулированных конфликтов на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. При этом “замороженные конфликты” имеют тенденцию к эскалации и провокациям со стороны участников противостояния под влиянием внутренних и внешних факторов, как показало возобновление военных действий вокруг Нагорного Карабаха 2 апреля 2016 г.

С развертыванием военных действий в Сирии здесь четко сформировался эпицентр военно-политических потрясений, которые угрожают безопасности Европы. Прежние проекты по обеспечению европейской безопасности на ее южных рубежах середины 90-х и начала нулевых годов XXI в. не оправдали надежд. Барселонский процесс не смог остановить общую дестабилизацию положения стран Средиземноморья после “арабской весны”, а различные проекты “соседства” оказались неспособными обеспечить качественный рывок стран постсоветского пространства. Сопутствующие этим событиям процессы проявились в перестройке структуры региональных отношений как в регионе в целом, так и в отдельных его частях. Не ясны долгосрочные последствия смены политических режимов в Египте, Ливии, Тунисе, Йемене и их воздействие на другие государства, расположенные в “системе трех морей”. При этом проблема состоит не столько в выработке стратегии, сколько в удержании страны в данной траектории развития. В этой связи определенный оптимизм внушает сохранение в регионе государств, обладающих устойчивостью: Иран, Иордания, Марокко, отчасти Египет.

В социальной области на регион обрушилась миграционная проблема как следствие бегства части населения от вооруженного насилия в Афганистане, Ираке, Сирии и Ливии.

В отдельных частях “системы трех морей” наблюдается тенденция к возрождению былого лидерства региональных и субрегиональных держав, прежде всего Ирана после снятия санкций, что не может не вызывать беспокойства со стороны его давних соперников – Саудовской Аравии и Турции. На усиление своей роли в регионе претендует Румыния, ставшая площадкой для размещения американской системы ПРО, в борьбе за роль доверительного союзника США в Причерноморье соперничают Грузия и Украина.

В ходе взаимодействия и развития этих и других сопредельных процессов выявилось новое

соотношение сил, влияющее на геополитическую структуру региона. На всем пространстве “системы трех морей” в краткосрочном и среднесрочном плане происходит возрастание военно-политического влияния США и их союзников по НАТО. Претензии на доминирование НАТО в регионе подкрепляются геополитическими переменами и тенденцией к милитаризации Причерноморья и Каспия. В этом контексте следует рассматривать предложение Румынии о включении Украины в Черноморскую флотилию НАТО наряду с Болгарией.

Вместе с тем со стороны России наблюдается тенденция к отстаиванию собственных интересов в регионе, и это проявляется в различиях в подходе к проблемам обеспечения безопасности на южных рубежах. Естественно, что наибольшие расхождения возникают между США и Россией, Европейским союзом и Россией в сфере выстраивания новой модели международных отношений. Одна из сложившихся реалий состоит в том, что Россия утратила в “системе трех морей” те позиции, которыми располагала в начале 90-х годов, не говоря уже о том, что для Советского Союза Причерноморье и Каспий фактически являлись внутренними морями. А более активное отстаивание своих интересов в регионе привело к усилению конфронтационной парадигмы в отношениях с Западом. Особую опасность при этом представляет снижение взаимного доверия и вероятность перехода к политике “жесткого сдерживания”.

Геополитическая целостность “системы трех морей” нарушается, поскольку в результате конкуренции доминантных ценностей образуется водораздел условной европейской и евразийской платформ безопасности. Наряду с этим в “системе трех морей” происходит крупный геополитический сдвиг, результатом которого в долгосрочной перспективе может стать ослабление связей с евроатлантическим сообществом и усиление влияния и значения Китая. Эти изменения вызовут в будущем сокращение военно-политического присутствия США в регионе при одновременном переносе ответственности на прежних партнеров в лице Израиля и монархий Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравии, и ставку на новых региональных лидеров, несущих свою долю ответственности за обеспечение безопасности в “системе трех морей”.

Существующие различия серьезно влияют на реализацию политического взаимодействия, в то время как в экономической плоскости имеющиеся противоречия между региональными и внерегио-

нальными игроками снижаются до уровня, приемлемого для всех сторон. Экономические интересы субъектов макрорегиона Средиземноморье – Черноморье – Каспий, думается, создают основу для осознания необходимости возникновения политического проекта “системы трех морей” с целью формирования инфраструктур, объединяющих три моря в единую целостную систему. При этом важно сформулировать символы единства и постоянства регионального пространства.

Основной преградой на пути обоснования и становления политического проекта “система трех морей” остается конфликт интересов, нарушение военно-морского равновесия в регионе, отсутствие успешных способов модернизации для тех стран региона, которые находятся в зоне риска конфликтного противостояния с применением вооруженного насилия.

Крылов А. Б.

Я дополню относительно “конфликта интересов”. Если раньше для Южного Кавказа было характерным состояние “замороженных конфликтов”, то, начиная с августовской войны 2008 г. между Россией и Грузией, они вступили в стадию “разморозки”. Ситуация становится все более динамичной и менее предсказуемой. Если после “первых постсоветских войн”, которыми на Южном Кавказе сопровождался распад СССР, сложилась политическая карта региона в формате “3+3”: три признанных государства (Азербайджан, Армения и Грузия) и три непризнанных (Абхазия, НКР и Южная Осетия), то после августовской войны, этот формат сильно изменился. Вместо формулы “3+3” появилась формула “3+2+1”. Наряду с тремя признанными в регионе появилось два частично признанных государства (Абхазия и Южная Осетия), и лишь Нагорно-Карабахская республика осталась в своем прежнем статусе непризнанного государства. Военная эскалация конфликта в Карабахе в апреле нынешнего года может указывать на то, что и там набирает силу тенденция к размораживанию.

Рябов А. В.

Чтобы попытаться определить вектор возможных изменений в регионе, давайте сначала перейдем к анализу политики самих государств Южного Кавказа. Как чувствуют они себя в “системе трех морей”? И ощущают ли вообще ее влияние на свою политику? Начнем с самой спокойной на сегодняшний день страны региона – Грузии.

Силаев Н. Ю.

Грузинская внешняя политика на протяжении почти десятилетия (2004–2012 гг.) развивалась

в изоляции от региональной повестки. Тбилиси видел себя не столько в региональном южно-кавказском, каспийском, черноморском или средиземноморском контексте, сколько в восточноевропейском, среди стран, недавно ставших или в ближайшее время собирающихся стать членами НАТО и ЕС. Исключением были лишь попытки региональной интеграции в рамках блока с Украиной, Азербайджаном и Молдовой (ГУАМ), которые, впрочем, также рассматривались в тесной связи с грузино-американскими отношениями, а также экономическая интеграция и совместные проекты с Турцией (соглашение о зоне свободной торговли, строительство железнодорожной магистрали Баку–Тбилиси–Карс). Когда стало очевидно, что быстрой интеграции в евроатлантические структуры не будет, “региональная линия” в грузинской внешней политике была усилена: наладилось трехстороннее взаимодействие с Турцией и Азербайджаном, были предприняты некоторые шаги по сближению с Ираном. В определенный момент был сделан акцент и на “кавказскую идентичность” Грузии, причем в резко конфронтационном по отношению к России ключе. Однако все эти направления не вытесняли главного внешнеполитического приоритета Грузии, заключающегося в максимальном сближении с НАТО и ЕС, а в перспективе – в получении членства в этих организациях.

Правительство коалиции “Грузинская мечта”, которое пришло к власти осенью 2012 г., сохранив преемственность с внешнеполитической линией прежних властей, смягчило ее некоторые наиболее конфликтные стороны. Тесные отношения с Азербайджаном были сбалансированы за счет повышения интенсивности контактов с Арменией. Достигнута определенная нормализация отношений с Россией. При этом прежние внешнеполитические приоритеты сохранены. Сближение с ЕС увенчалось подписанием Соглашения об ассоциации, которое вступило в силу в конце 2015 г. Укрепилось взаимодействие с Соединенными Штатами и НАТО. В частности, было увеличено число проводимых совместных военных учений, в прошлом году впервые для участия в таких учениях в Грузию была переброшена американская военная техника из Румынии.

Но, несмотря на евроатлантические ориентиры, Грузия вынуждена ныне обращаться к повестке “трех морей”, и не в силу сознательного выбора, а из-за складывающихся обстоятельств. Она оказалась косвенно вовлечена в сирийский кризис. Запрещенное в России “Исламское государство” включило Грузию в состав земель будущего ха-

лифата и даже учредило “вилайет Гурджистан”. Несколько десятков выходцев из Грузии (кистинцы, азербайджанцы из Квемо-Картли, аджарские мусульмане) участвуют в войне в Сирии на стороне террористических группировок, бывший военный служащий грузинской армии Тархан Батирашвили стал одним из военных руководителей ИГ. В мае прошлого года в Грузии был арестован радикальный проповедник Айюф Борчашвили, его обвиняли в вербовке боевиков для ИГ. Комментарии представителей властей страны по поводу этого ареста были выдержаны в том духе, что проблема терроризма в Грузии решена. Вероятная гибель Батирашвили в марте этого года сократит поток граждан Грузии, желающих присоединиться к группировке. Однако у грузинских властей не так много ресурсов, чтобы добиться полноценной социальной интеграции жителей слаборазвитых и бедных мусульманских регионов, и, по всей видимости, исламский радикализм и терроризм останутся проблемой для страны в ближайшие годы.

Резкое ухудшение российско-турецких отношений в конце прошлого года поставило Грузию перед новыми вызовами. Консервативно настроенные круги грузинского общества уже давно критикуют политику сближения с Турцией, которая оборачивается, по их мнению, турецкой экономической и культурной экспансией, особенно в Аджарии. Российско-турецкое обострение заставляет эти круги обратиться к тем пластам исторической памяти, которые связаны с Османской империей. Хотя подобного рода дискуссии не оказывают непосредственного влияния на принятие политических решений, власти Грузии, по-видимому, осознают, что чрезмерная зависимость от внешнеполитических подходов Анкары может создать для них угрозу. Не говоря о том, что быть сателлитом США в противостоянии с Россией, независимо от результатов такого противостояния, куда более почетно, чем быть сателлитом Турции.

До ноября 2015 г. Грузия в принципе могла рассчитывать, что извлечет некие преимущества из своего положения между двумя крупными экономическими центрами с растущим товарооборотом – между двумя морями (Черным и Средиземным). После гибели российского бомбардировщика в небе над Сирией и введения экономических санкций против Турции эта перспектива сокращается. С другой стороны, у Грузии появляется возможность нарастить свой сельскохозяйственный экспорт в Россию в результате запрета турецких товаров. Вероятно, более точно

определить баланс потерь и приобретений в новой ситуации можно будет в начале следующего года, когда рыночные инициативы грузинских компаний получат свое отражение в официальной статистике.

В настоящее время, дорожа достигнутым уровнем отношений с Россией и понимая риски, связанные с ухудшением отношений с Москвой, Тбилиси с осторожностью смотрит на новые турецкие инициативы в черноморском бассейне, а именно – на ситуативное турецко-украинское сближение. Хотя Грузии будут активно предлагать присоединиться к этой тактической коалиции, она, вероятно, избежит тесной связи с ней. Вообще намечавшаяся активизация контактов между Тбилиси и Киевом, которую можно было ожидать после переворота на Украине в феврале 2014 г. и после того, как обе страны подписали соглашение об ассоциации с ЕС, не состоялась. Причины этого лежат как в сфере внутривосточной конъюнктуры, так и расчетов стратегического порядка. С одной стороны, действующие грузинские власти недовольны тем, какую карьеру делают на Украине представители команды экс-президента Михаила Саакашвили. “Грузинская мечта” небезосновательно расценивает назначения Саакашвили и его людей на высокие посты на Украине как обретение ими своеобразного трамплина для возвращения в Грузию. С другой стороны, если в Грузии реформы под патронажем ЕС демонстрируют “историю успеха” (при всех понятных оговорках), то на Украине два года, прошедшие после “революции достоинства”, стали, скорее, историей провала. В таких условиях Тбилиси предпочитает не оказываться “в одном пакете” с Украиной, по крайней мере, в глазах Запада.

Краткосрочное возобновление боевых действий в Нагорном Карабахе в начале апреля получило большой резонанс в Грузии. Можно сказать, что в Тбилиси впервые взглянули на этот конфликт как на фактор собственно грузинской безопасности. Прежний баланс сил вокруг Карабаха, основанный, среди прочего, на партнерских российско-турецких отношениях, оказался нарушен. В Грузии (по крайней мере, в экспертном сообществе) обсуждаются сценарии эскалации этого конфликта, связанные с гипотетическим вмешательством в него Турции и России. Трудно судить, насколько быстро грузинская дипломатия, “натренированная” на взаимодействие с ЕС, США и НАТО, сумеет сориентироваться в новой обстановке. Но ясно, что эпоха самоизоляции от

региональных процессов для Грузии бесповоротно заканчивается.

Рябов А. В.

Есть ли риски обострения грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов?

Крылов А. Б.

Нет, таких рисков не существует. Новые договоры о сотрудничестве России с Абхазией и Южной Осетией предусматривают тесное взаимодействие в сфере безопасности. На территории этих республик размещены российские военные базы, которые в отличие от прежних миротворцев, вооруженных только легким стрелковым оружием, теперь имеют все средства для предотвращения новых попыток военного решения проблемы со стороны Тбилиси. В Грузии ее нынешние власти стремятся избегать обострения отношений с Россией. Внешняя угроза перестала играть главенствующую роль в политической жизни Абхазии и Южной Осетии. Наибольшие опасения теперь вызывает не угроза со стороны Грузии и/или союзных ей внешних сил, а нарастание нестабильности и внутривнутриполитической напряженности в самих республиках. Определенную роль в этом играет не всегда понятный для местных жителей выбор приоритетов российской политики. Однако неверно было бы видеть причину проблем только в недоработках российских чиновников: зачастую удивляет и выбор приоритетов в самих республиках.

В Абхазии (РА), например, в последнее время в центре внимания общества оказалось принятие закона о наказании туристов, которые своим внешним видом оскорбляют чувства местных жителей.

Другой важной для республики темой стала проблема тонировки автомобильных стекол: в итоге парламент РА принял специальный закон о ее разрешении. При этом в республике существует множество куда более важных и острых проблем, чем купальники или тонировка. Среди этих проблем демографический кризис, утрата абхазами языка и этнической самобытности, множество экономических и социальных проблем. Однако все это не вызывает ничего подобного тому информационному ажиотажу, который имел место с купальниками или тонировкой.

Весьма схожая ситуация наблюдается и в Южной Осетии. Осложнение там внутривнутриполитической ситуации в контексте предстоящих осенью 2016 г. парламентских выборов представляется весьма вероятным.

Рябов А. В.

Происходят ли какие-либо изменения в политике страны с самой крупной экономикой в регионе – Азербайджане?

Притчин С. А.

Снижение цен на нефть на мировых рынках ударило в первую очередь по странам – экспортерам нефти и газа. Азербайджан как один из крупных игроков Каспийского-Черноморского бассейна не является исключением. Эффект от снижения цен на энергоресурсы накладывается в республике на другой тренд в развитии добывающего сектора – ожидаемое постепенное снижение объемов добычи нефти. Первым результатом изменения конъюнктуры стала единовременная девальвация национальной валюты. В феврале 2015 г. манат решением Центробанка АР подешевел на 33.3% по отношению к мировым валютам, а в декабре повторно снизил валюту на тот же уровень, что вызвало панику среди населения.

“Откровенно говоря, мы старались спрогнозировать ситуацию, в которой сейчас оказались, на период начала снижения добычи нефти, возможно, через 15–20 лет. Мы не были готовы к этому периоду. На самом деле, мы планировали подготовиться к постнефтяному периоду после 2030 г. Но, как я сказал на недавнем заседании кабинета министров, постнефтяной период для нас уже начался, и это было неожиданно”, – такое заявление сделал президент республики Ильхам Алиев во время участия в Мюнхенской конференции по безопасности в начале 2016 г.

В условиях экономических трудностей политическая жизнь в Азербайджане и вокруг него отличается серьезным динамизмом и большим количеством вызовов. На фоне глобального изменения на сырьевых рынках в самой республике активизировалась борьба с коррупцией. За 2015 г. эта кампания затронула сразу нескольких высокопоставленных чиновников и руководителей государственных корпораций. В марте 2015 г. со своего поста ушел многолетний руководитель крупнейшего в республике Международного банка Азербайджана Джахангир Гаджиев, в октябре он был арестован. Еще более громкой стала отставка министра национальной безопасности Эльдара Махмудова, которая сопровождалась арестом большей части высокопоставленных офицеров МНБ, работавших под его началом. Еще одной жертвой антикоррупционной кампании стал министр связи и высоких технологий Али Аббасов.

В прессе и экспертном сообществе обсуждались и обсуждаются несколько версий череды

отставок и громких коррупционных дел. Одна из них связана с обострением борьбы за сферы влияния между ключевыми политическими и бизнес-группами Азербайджана в условиях снижения притока финансов в экономику. Если эта версия имеет под собой основания, то для команды президента одной из главных задач в ближайшее время будет стабилизация обострившихся внутриэлитных конфликтов, чтобы они не стали источником серьезной политической дестабилизации. Отчасти это удалось. Так, парламентские выборы, состоявшиеся 1 ноября 2015 г., прошли в максимально спокойной атмосфере и не превратились в арену противостояния между различными группами за влияние в парламенте. Вместе с тем выборы проходили на фоне серьезных разногласий с Западом. Так, не сумев согласовать количество наблюдателей с правительством Азербайджана, отказалось отправлять свою миссию БДИПЧ ОБСЕ.

В условиях роста конфликтности в мировой политике, обострения отношений России с западными странами, Азербайджану все труднее выдерживать тонкую линию сотрудничества и кооперации с мировыми и ведущими региональными игроками. Но во многом это удастся. Так, Азербайджан занял нейтральную позицию по украинскому и сирийскому вопросам. Российско-турецкий конфликт из-за сбитого Турцией российского самолета поставил официальный Баку в непростую ситуацию, учитывая очень тесные экономические и политические связи с обеими странами. Но если судить по официальным заявлениям азербайджанских чиновников, даже во время визита в их страну турецких премьер-министра и министра иностранных дел официальному Баку удалось сохранить нейтралитет и не поссориться ни с одной из конфликтующих сторон.

Таким образом мы можем говорить о целом комплексе долгосрочных вызовов для Азербайджана. Сохранение негативной конъюнктуры сырьевых рынков в среднесрочной перспективе грозит ростом социального напряжения в связи с необходимостью сокращения бюджета страны и обострением борьбы ведущих политических групп республики за влияние и контроль над ключевыми секторами экономики. Правительству страны предстоит решить вопрос перестройки экономики, ее диверсификации и снижения зависимости от нефтегазового сектора.

Но главным вызовом для республики был и остается Нагорный Карабах. Особенно это стало ясно после обострения ситуации, которое произошло со 2 по 5 апреля нынешнего года. За-

мороженный в 1994 г. вооруженный конфликт с Арменией в последние два года время от времени подогревался локальными приграничными стычками. В начале апреля произошла самая серьезная дестабилизация, которая по своему накалу была очень близка к полноценной войне с применением танков, артиллерии, средств залпового огня. Жертвами обострения стали десятки военных с обеих сторон. Азербайджан, судя по всему, явился инициатором этого обострения, преследуя в том числе внутривнутриполитические цели. Стремясь отвлечь внимание населения от накапливающихся проблем, руководство республики, вероятнее всего, приняло решение предпринять молниеносную военную операцию с использованием новейшей техники. Seriously поменять расклад сил не удалось, но для внутренней аудитории ситуация была представлена как однозначная победа, которая позволяет рассчитывать, как минимум, на прорыв в переговорном процессе по Карабаху. В связи с этим существуют риски завышенных ожиданий со стороны азербайджанского общества в деле разрешения конфликта, которое в ближайшее время маловероятно. Если же ситуация будет развиваться по негативному сценарию, например, сопровождаться затягиванием военного конфликта, то Нагорный Карабах может стать долгосрочным негативным фактором, отвлекающим ресурсы от развития, и отрицательно влиять на инвестиционный климат республики.

Рябов А. В.

А как выглядит ситуация в Армении в контексте событий последнего времени?

Арешев А. Г.

Апрельское обострение ситуации вокруг Нагорного Карабаха стало очередным этапом “разморозки” конфликта, способной в перспективе привести к непредсказуемым последствиям не только на Южном Кавказе, но и в системе “трех морей” в целом. Отметим, что географическая привязка Южного Кавказа к “морской” системе координат представляется весьма примечательной, ибо именно через нее проецируется система внешнего влияния – западного, а в последнее время и российского – на регионы Ближнего Востока и Кавказа, тесно связанные по многим параметрам.

Апрельскую эскалацию боевых действий нельзя назвать случайной, так как системное расшатывание ситуации в регионе имело место в течение нескольких последних лет (в активной форме – начиная, как минимум, с 2008 г.). Военная составляющая противостояния последовательно

наращивалась. Перспективы же по-прежнему выглядят безрадостно. Начиная атаку, официальный Баку, по всей видимости, руководствовался представлением об относительной слабости армянских Вооруженных Сил, включая недостаток у них современных вооружений, осязаемое смещение военного баланса в сторону Азербайджана и т.д. Принималась в расчет и сложная социально-экономическая ситуация в Армении. Однако в Азербайджане не учли готовность армянских военнослужащих удерживать оборонительные позиции ценой собственной жизни и фактор высокой консолидации армянского общества, включая диаспору. Неверным оказался расчет и на внутривластный разброд и шатания внутри Армении. В частности, оппозиционная партия “Армянский национальный конгресс” сделала заявление об осуждении азербайджанской агрессии, полной поддержке армии, готовности оказывать содействие государственным структурам, а ее лидер Левон Тер-Петросян провел ряд знаковых встреч в Ереване и Степанакерте.

При этом острые политические противоречия, социально-экономические и иные проблемы как в Армении, так и в Азербайджане, столкнувшись с существенными трудностями в связи с падением цен на энергоресурсы, никуда не делись. В Баку надеялись получить от МВФ 3–4 млрд долл. США на финансовую стабилизацию ситуации в экономике. Но решение о выделении помощи затянулось и это вполне могло спровоцировать активизацию военных действий со стороны Азербайджана.

Отметим, что ранее пики обострения карабахского конфликта по времени обычно совпадали с крупными международными мероприятиями. Апрельское обострение пришлось на завершение Международной конференции по ядерной безопасности в Вашингтоне. Одной из целей Баку и поддерживающей его Анкары может быть смена формата переговоров по Карабаху, перенос его с площадки Минской группы ОБСЕ в другую международную структуру (например, в ООН).

Дипломатический план урегулирования “Обновленные мадридские принципы”, который так и не был подписан в 2011 г. в Казани, с одной стороны, несмотря на внутреннюю увязку отдельных компонентов и логику, весьма уязвим в контексте максималистских подходов официального Баку, желающего получить все и сразу без каких-либо обязательств. Но с другой стороны, в Ереване не скрывали готовности пройти свою часть пути в плане возможных компромиссов. Прежде всего, речь шла об отводе войск с части территорий

так называемого пояса безопасности по периметру административных границ бывшей НКАО. Однако сегодня, после многочисленных жертв и фактического коллапса переговоров, подобные предложения встречают гораздо более резкую реакцию общественности Армении.

Можно предположить, что международные посредники устали от неконструктивной позиции властей Азербайджана, и, соответственно, активность вооруженных сил Армении и Нагорного Карабаха по подавлению огневых точек противника, расположенных в том числе поблизости от крупных населенных пунктов, не будет вызывать активных возражений. Альтернатива линии на принуждение к переговорам не просматривается. Поступление в Армению различных типов вооружений в рамках выделенного Москвой 200-миллионного кредита будет способствовать восстановлению баланса сил в регионе.

Между президентами Армении и Азербайджана, не говоря уже о Степанакерте и Баку, нет прямого или закрытого канала связи, что крайне негативно влияет на ситуацию. Между тем регулярные, пусть и опосредованные, через Москву, контакты глав военных ведомств двух стран могли бы способствовать некоторому успокоению ситуации.

При этом Москва не хочет и дальше “терять” Азербайджан, который не является для нее враждебным государством, при том, что позиции Турции в этой стране намного прочнее российских. “Потерять” Азербайджан для Москвы означает еще большее усиление позиций Турции на Южном Кавказе с ее фактическим выходом на дагестанский участок российско-азербайджанской границы (при том, что Дагестан является одним из самых проблемных регионов России с точки зрения безопасности и террористических угроз). Скорее всего, действующий азербайджанский лидер не является самым удобным лидером для Москвы, но она готова продолжать с ним взаимодействовать.

В ходе апрельских событий Россия заняла нишу страны-посредника. Москва и впредь будет предпринимать все от нее зависящее для предотвращения эскалации боевых действий вокруг Нагорного Карабаха в качестве как сопредседателя Минской группы ОБСЕ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта, так и военно-политического союзника Армении. При этом начавший боевые действия Азербайджан является стороной, незаинтересованной в сохранении статус-кво. Баку не маскировал своих намерений силового решения конфликта. Если дипломатиче-

ские усилия и далее будут запаздывать, то вероятность возобновления боевых действий всегда будет находиться на неприемлемо высоком уровне.

Россия же сыграла решающую роль в восстановлении режима прекращения огня в зоне нагорно-карабахского конфликта, при этом более чем очевидно, что она координировала свои действия с США. Так, во время телефонного разговора между госсекретарем Джоном Керри и главой МИД РФ Сергеем Лавровым 4 апреля, при обсуждении ситуации в нагорно-карабахском конфликте была сказана следующая фраза: «...С. Лавров и Дж. Керри осудили попытки отдельных “внешних игроков” подстегивать конфронтацию вокруг Нагорного Карабаха». Более чем очевидно, что речь шла о Турции и что американцы согласились именно с данной формулировкой.

Апрельская военная акция Баку в Нагорном Карабахе может привести (или уже привела) к активизации поставок в Армению вооружения по выделенному ранее российскому кредиту и к частичному пересмотру номенклатуры продаваемого Азербайджану оружия.

Рябов А. В.

Есть ли иные оценки перспектив Карабахского конфликта и влияния на ситуацию в регионе?

Муханов В. М.

Апрельское обострение в Карабахе оказало серьезное влияние как на ситуации в регионе, так и на позиции ведущих там игроков. Однозначно можно говорить о серьезной психологической и политической победе Азербайджана, который сумел дискредитировать миротворческий процесс и фактически сделать посмешищем работу Минской группы ОБСЕ. Так же можно говорить и об определенном успехе Турции, поддержавшей игру “на обострение” в регионе, входящем в сферу российских интересов.

Бесспорно, что данное обострение стало результатом запланированной Баку военной операции для зондажа военно-технической мощи Армении, боеготовности самого Карабаха и реакции международного сообщества, в первую очередь России как главного союзника Армении. Теперь статус-кво в зоне конфликта нарушен, и нет гарантий, что не будет нового, более тяжелого обострения в ближайшее время.

Поэтому последнее обострение представляется крайне невыгодным для Москвы. Оно уже повлекло за собой серьезные последствия, которые имеют явную тенденцию к росту.

Во-первых, апрельская война вызвала заметный рост антироссийских настроений как в Азербайджане, так и в Армении. В одной республике обвиняли и обвиняют Москву в поддержке оккупанта и врага, говоря, что именно она затягивает справедливое разрешение конфликта, в другой – обвиняют Россию в больших продажах современного оружия, которое и било по Карабаху, убивая мирных жителей и солдат армии обороны НКР. Армянская элита и интеллигенция открыто обвиняют российскую сторону в предательстве и политике двойных стандартов. Практически все рисуют одну простую и понятную картину: Азербайджан имеет постоянную поддержку Турции, которая не скрывает своих приоритетов, а Россия, имея на Кавказе единственного союзника – Армению, за ее спиной продает оружие ее главному противнику. Причем уже в ходе конфликта высокопоставленные российские чиновники подтвердили, что продажа оружия Баку будет продолжена.

Во-вторых, эта ситуация играет на руку Анкаре, которая подкинула проблем Москве, и одновременно предлагает помощь в урегулировании или хотя бы в успокоении одной из сторон – Азербайджана.

В-третьих, азербайджанский удар застал армянскую сторону врасплох, и это вызвало определенную панику. На то, что сработал фактор внезапности, прямо указывает трехзначный размер потерь. Армянская сторона долго была уверена, что за ее спиной Россия и что угрозы Баку – это простая бравада азербайджанского лидера. Теперь же шапкозакидательские настроения в армянском обществе сошли на нет, а взамен начался рост претензий к Москве и откровенно антироссийских выступлений и лозунгов. Баку в последние годы явно пытался продемонстрировать, что его милитаристская риторика имеет хорошую базу, и это не просто бряцание оружием. Сейчас можно признать, что нынешний режим в Баку получил дополнительную легитимизацию своей власти и политической линии и смог консолидировать нацию на фоне серьезного социально-экономического кризиса в стране.

В-четвертых, это серьезный удар по такому важному детищу Москвы, как ОДКБ. В настоящее время внутри нее нет никакого единства, и организация едва ли способна играть активную роль на международной арене. Следовательно, это дополнительный удар по России и ее политике на постсоветском пространстве. Сейчас для Армении становится очевидным, что меры помощи может оказать ей только Россия, да и то без

полной гарантии. Также серьезным имиджевым и политическим ударом для Еревана стал перенос саммита ОДКБ как раз в эти апрельские дни.

В-пятых, поставлена под вопрос ведущая роль России как миротворца и посредника как в регионе, так и на постсоветском пространстве, что выгодно Турции, ЕС и США. Россию подталкивают к более активной и жесткой позиции, что фактически ограничивает для Москвы пространство для маневра на Кавказе.

Таким образом, любое дальнейшее обострение в зоне конфликта и изменение расклада сил в пользу Азербайджана нанесут ущерб позициям России в регионе, а так же ухудшат российско-армянские взаимоотношения.

Крылов А. Б.

Обострение ситуации уже наблюдается в Армении, оно связано с конституционной реформой и перспективой сохранения власти в руках нынешнего президента на неопределенное время. Реформа проводится в условиях, когда после двух президентских сроков Сержа Саргсяна острые проблемы страны так и остались нерешенными.

Надежды на дестабилизацию внутривосточной ситуации в Армении стимулирует реваншистские настроения в Баку. Российская позиция нейтрального посредника в карабахском конфликте вызывает недовольство в обеих странах. Но я бы сказал, что обе стороны не только критикуют Россию, но в то же время ожидают от Москвы поддержки, так как каждая из них уверена в своей правоте и не готова идти ни на какие компромиссы. В итоге в регионе продолжается рост военной напряженности, которая может в итоге привести к дальнейшему изменению нынешнего формата региона “3+2+1”.

Рябов А. В.

В предшествующих выступлениях в связи с карабахским конфликтом уже затронута роль одного из ведущих региональных игроков – Турции? Давайте рассмотрим ее политику в регионе подробнее и в более широком контексте.

Надени-Раевский В. А.

Турецкая республика, безусловно, важный игрок в “системе трех морей” и наиболее серьезная военная сила региона, стремящаяся к экономическому лидерству и укреплению политического влияния в нем. Следует отметить значительное влияние внутривосточных факторов в этой стране на ее позиционирование в региональной и даже глобальной политике. Нынешний президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган – лидер

с глобальными политическими амбициями. Он нацелен на безраздельную политическую власть внутри страны и бесспорное международное лидерство. Отсюда и многочисленные инициативы Турции, как в регионе, так и в мире.

Турки – большие мифотворцы, и различные направления этого мифотворчества предопределяют и различные по адресности внешнеполитические инициативы последних лет. При этом есть и общие направления внешнеполитической ориентации, по которым внутри турецкой правящей и интеллектуальной элиты существует более-менее сложившийся консенсус. Так, пантюркистская доктрина никем не оспаривается и основные политические силы стоящих у власти “умеренных исламистов” нацелены на продолжение программы создания некоего международно-политического объединения тюркоязычных государств. Напомним, что изначально пантюркистская доктрина была нацелена на создание огромного государства “Великий Туран”, которое объединило бы все тюркоязычные народы мира от Адриатики до Тихого океана. Эта доктрина, появившаяся еще в XIX в., овладела умами националистической элиты Османской империи и привела к ее вступлению в Первую мировую войну, геноциду армян, греков, ассирийцев.

После поражения османов и создания Турецкой республики возрождение этой доктрины происходило дважды – в период Второй мировой войны и в конце 1991 г., когда после распада Советского Союза Турция ликовала в связи с исчезновением “векового врага” турок – России. Турецкая интеллектуальная элита отреагировала однозначно – необходимо стремиться к турецкому, то есть тюркскому единству. Духовный лидер современных умеренных исламистов Фетхуллах Гюлен призвал молодых турок, прежде всего учителей, направиться в Среднюю Азию чтобы учить тамошних турок, то есть по турецкой терминологии – “узбекских турок”, “казахских турок”, “киргизских турок” и т.д. Этот призыв включал и стремление “учить” “татарских, башкирских и кавказских турок”.

Координацией всего процесса занялось специально созданное министерство *TIKA* – (Турецкое Агентство сотрудничества и координации, *Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı*). В результате всего этого процесса создан “Тюркский парламент”, ТЮРКСОЙ – Международная организация тюркской культуры – самая активная структура в рамках всего процесса.

Принципиально важно для дальнейшей реализации пантюркистского проекта то, что как Эр-

доган со своими сторонниками, так и Фетхуллах Гюлен, против которого ведется борьба в самой Турции, полностью поддерживают усилия по продолжению проекта, на сей раз уже с позиций использования “мягкой силы”.

Турция активно сотрудничает в области обороны с Азербайджаном, где работает несколько десятков турецких советников. С их помощью штатная структура всех родов войск вооруженных сил, армейского командования, включая Министерство обороны и Генеральный штаб республики, переведены на стандарты НАТО. Большую помощь в перестройке армии Турция оказала и Грузии.

Второе по важности направление в турецкой внутренней и региональной политике – мусульманское. Перестройка Турции в соответствии с проектом умеренного исламизма внутри страны встретила сопротивление турецкой армии, которая в соответствии с турецкой конституцией до поправок 2012 г. являлась гарантом светского развития Турции в соответствии с принципами лаицизма – отделение мечети от государства, заложенными еще вождем турецких реформ Кемалем Ататюрком. С сопротивлением армии Партии справедливости и развития Эрдогана удалось справиться через массированную атаку на армейские структуры. Против военных удалось организовать судебные процессы по “делу Эргенекон”, а позже и делу “Бальйоз”. Высших офицеров турецкой армии, ведущих националистически ориентированных журналистов, профессоров университетов обвинили в создании секретной организации и попытке свержения правительства Эрдогана. Под удар попали как националисты, так и левые, центристы и т. д. Несколько сот офицеров высшего и среднего состава отправили в тюрьмы на длительные сроки тюремного заключения. В 2012 г. был проведен референдум по изменению турецкой конституции, в результате которого армейское командование было выведено из состава Совета национальной безопасности, а военным было запрещено вмешиваться в политику.

Новая внутриполитическая расстановка сил позволила Эрдогану кардинальным образом скорректировать внешнюю политику страны и переориентировать ее на Восток. Активные выступления Эрдогана против Израиля в защиту арабского населения Палестины, демонстрация “независимого” внешнеполитического курса с антиамериканским акцентом постепенно сделали его кумиром арабской улицы. На территории бывшего СССР турецкие эмиссары активно работали по

организации деятельности секты “Нурджилар” (в Турции – это движение “Нур”). Свою роль в укреплении авторитета “умеренных исламистов” за пределами Турции сыграли и десятки турецких лицеев, организованных во всех тюркоязычных государствах и российских республиках, обучение на территории Турции студентов из тюркоязычных регионов. Всего эта программа охватила 26 тыс. человек, ставших частью интеллектуальной элиты тюркоязычных регионов.

Третье направление турецкой внешней политики – “неоосманизм” разработано Ахметом Давутоглу еще в его бытность министром иностранных дел Турции. Это стремление создать некое подобие “содружества наций” некогда входивших в состав Османской империи. Турки уверены, что их владычество в течение нескольких столетий было благом для подвластных народов. Однако для арабов само слово “османский” звучит оскорбительно. Поэтому нынешние попытки уходящего премьер-министра Турции Давутоглу воскресить так называемый неоосманизм выглядят нелепо.

Из обозначенных направлений турецкой внешней политики самым успешным можно считать пантюркистское. Причем наиболее эффективно работают связи с Азербайджаном под лозунгом “Одна нация – две страны”.

Вместе с тем следует отметить и откровенные неудачи. Прежде всего это срыв перемирия с Курдской рабочей партией по вине турецкого руководства. Внутри страны идет война с применением артиллерии и авиации против курдских населенных пунктов, включая города Турецкого Курдистана. Соответственно во внешней политике Турция выступает против сирийских курдов и проводит регулярные обстрелы позиций сирийских курдов. В то же время продолжается сотрудничество Турции с Курдской автономией Ирака как в области торговли нефтью, так и в военной области.

В Каспийско-Черноморском регионе от Эрдогана можно ожидать дальнейших попыток проводить антироссийские акции на Украине, против Крыма, негласной поддержки “Нурджилар” на Кавказе и в других мусульманских и тюрко-мусульманских регионах, поддержки антироссийских сил в Молдавии, хотя со ставкой на гагаузов у турок успеха не было. Основным же направлением турецкой внешней политики в Каспийско-Черноморском регионе будет оставаться укрепление позиций на Южном Кавказе при усилении блокады Армении.

Рябов А.В.

А какое влияние на регион оказывают события в Сирии?

Сотников В.И.

На военно-политическую ситуацию в “системе трех морей” серьезнейшее влияние оказывает гражданская война в Сирии. Длещаеся уже более пяти лет гражданское противостояние, которое переросло в настоящую войну в этой арабской стране, непосредственно расположенной в средиземноморском бассейне, по всей видимости, носит характер продолжительного конфликта, причем перспективы его урегулирования весьма туманны.

В конфликте в Сирии правительству президента Башара Асада противостоят многочисленные оппозиционные группировки, главными из которых являются четыре, включая группировку “Джебхат-ан-Нусра” (запрещена в России), аффилированную с международной террористической группировкой «Аль-Каида» – Ближний Восток». Но главное противостояние проходит между режимом в Дамаске и радикальной террористической группировкой “Исламское государство” (ИГ) или “Исламское государство Ирака и Леванта (Сирии)” – (ИГИЛ) (запрещена в России).

При этом ИГ контролирует почти половину территории Сирии и Ирака несмотря на последние успехи сирийской правительственной армии, достигнутые при непосредственной поддержке российской группировки Военно-космических сил (ВКС) России. Она осуществляет воздушные бомбардировки позиций боевиков ИГ в Сирии, а также имеет военных советников, помогающих сирийской правительственной армии бороться с формированиями ИГ.

На наш взгляд, среди многих военных экспертов как на Западе, так и в России наблюдается недооценка военных возможностей вооруженных формирований ИГ, которые созданы по принципу жесткого подчинения отдельных полевых командиров центральному командованию лидеров этой радикальной террористической группировки. Эти командиры являются высокопрофессиональными военными, имеющими в своих рядах офицеров из некоторых западных стран, а также боевиков-исламистов с опытом участия в “чеченских” войнах, внутренних вооруженных конфликтах в странах Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан), а также в гражданской войне в Афганистане. Это создает серьезные препятствия на пути урегулирования гражданского конфликта в Сирии. Стабильность же режима Башара Аса-

да в случае резкого снижения поддержки российских ВКС вызывает большие сомнения вплоть до его падения в условиях наращивания контрнаступления радикальных исламистов из ИГ на позиции правительственных войск. На наш взгляд, такое возможное развитие событий в Сирии будет оказывать весьма негативное влияние на позиции России в этой стране, поскольку расширение ею военной поддержки режима Башара Асада в этом случае грозит непредсказуемым для Москвы исходом и еще большим втягиванием российских военных в гражданскую войну в Сирии.

Дальнейшая пролонгация острого гражданского конфликта в Сирии на фоне военных успехов радикалов ИГ будет серьезным образом оказывать влияние на общий военно-политический баланс в “системе трех морей”, который характеризуется высоким уровнем конфликтности. Причем существующие в регионе конфликтные и кризисные ситуации имеют незначительные перспективы их урегулирования в короткой и среднесрочной перспективе.

Рябов А.В.

В связи с сирийским конфликтом мы уже, так или иначе, затронули роль исламского фактора на Южном Кавказе. Давайте продолжим эту тему.

Муртазин М.Ф.

Вначале хотел бы поделиться собственным видением возможного влияния войны в Сирии на общую ситуацию в регионе. В свете последних событий на Ближнем Востоке, особенно тех, что происходят в Сирии и Ираке, можно выдвигать осторожные предположения относительно того, что борьба с ИГ приведет к видимым результатам. Именно поэтому все чаще заходит речь о том, что центр активности крупных исламистских и джихадистских формирований может переместиться из Сирии и Ирака и в другие регионы, в частности на Кавказ.

Пятидневное апрельское вооруженное столкновение между силами Азербайджана и Нагорного Карабаха породило некие домыслы относительно того, что именно этот конфликт, не находящий своего разрешения уже более 20 лет, может стать привлекательным для боевиков, совершающих исход из Сирии и Ирака. Некоторые интернет-источники даже демонстрировали фотографии с вооруженной техникой под черными флагами, якобы полученные из района последних армяно-азербайджанских боестолкновений. Но не вызывает никакого сомнения то, что подобные фотографии являются чистой воды фейком.

С точки зрения исламского фактора на Южном Кавказе, конечно же, ключевую роль играет религиозная ситуация в Азербайджане. Оценивая ее, следует однозначно признать, что приход сюда исламистских боевиков представляется маловероятным. 85% азербайджанских мусульман являются шиитами, к которым джихадисты, придерживающиеся идей салафизма, испытывают неприкрытую неприязнь. Из-за этих глубоких межконфессиональных противоречий Азербайджан не представляет благодатной почвы для распространения исламского радикализма, а сами азербайджанцы-шииты не являются столь ревностными и фанатичными мусульманами, чтобы брать в руки оружие в “защиту веры”.

Что касается суннитского меньшинства Азербайджана, то оно находится в достаточно стесненном положении, поскольку государство открыто поддерживает только одну религиозную организацию внутри Азербайджана – Управление мусульман Кавказа (УМК), во главе которого еще с советских времен (с 1980 г.) остается шиит шейх-уль-ислам Аллашукюр Пашазаде. Его позиция в отношении всех прочих религиозных организаций является непримиримой, и в этом деле он использует все возможные административные ресурсы, включая правоохранный.

Попытки активизировать суннитский ислам на Кавказе с участием зарубежных исламских фондов из Саудовской Аравии, Кувейта, Турции и других стран не увенчались успехом. Более того, жесткое отношение властей к идеологическим оппонентам вылилось в преследование инакомыслящих, включая суннитских религиозных деятелей, которых обвиняли в распространении идей экстремизма. В качестве примера можно привести ситуацию с известным переводчиком смыслов Корана на русский язык и автором целого ряда богословских сочинений Эльмиром Кулиевым, который сейчас находится за пределами республики. По данным Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) за 2014 г. в Азербайджане произошло заметное увеличение количества арестов активистов гражданского общества и членов религиозных групп.

Таким образом, при сохранении нынешней ситуации в сфере государственно-религиозных отношений в Азербайджане опасность распространения экстремистских течений в этой стране и приход джихадистских формирований в нее представляется маловероятным, поскольку само УМК во главе с Аллашукюром Пашазаде жестко контролирует ситуацию внутри мусульманской религиозной общины. Оно не позволит (есте-

ственно, при помощи правоохранительных органов) укрепиться своим идейным противникам, какие бы течения они ни представляли.

Рябов А. В.

А теперь перейдем к проблематике экономических связей и роли интеграционных объединений в регионе.

Гончаренко С. Н.

Вначале хотел бы сформулировать два важных для понимания проблематики круглого стола тезиса. Во-первых, острые политические конфликты не мешают развитию экономического сотрудничества ни в Черноморском, ни в Каспийском регионах. Во-вторых, в плане экономического взаимодействия стран никакой “системы трех морей” не существует, а вокруг каждого моря строятся собственные системы со своим составом постоянных участников, своими интеграционными объединениями.

Я же остановлюсь на многостороннем экономическом сотрудничестве в Черноморском регионе. Оно, как я уже сказал, не политизировано и развивается по многим направлениям. Организация Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС) не занимается вопросами региональных конфликтов, и в этом залог ее устойчивости как сложившейся международной структуры.

В процессе дискуссии о взаимодействии государств “в формате трех морей” следовало бы выделить особое значение для России проблематики *Черноморского региона*. Причина достаточно очевидна: именно здесь, в пространстве Черноморского региона, существует организация, в рамках которой страны-участницы, в числе наиболее активных из которых и Россия, развивают достаточно структурированное сотрудничество по ряду направлений. Это Организация ЧЭС, существовавшая на раннем этапе как региональная инициатива (1992–1999 гг.), а с мая 1999 г. преобразованная в полноформатную региональную международную организацию.

Участниками ЧЭС сейчас являются 12 стран. Кроме России, это Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Румыния, Сербия, Турция, Украина. Организация ЧЭС выработала целый ряд положений и принципов своей деятельности, которыми она руководствуется и которым следуют все страны-участницы. В основу деятельности ЧЭС положены базовые документы (устав, правила процедуры, протокол об иммунитетах и привилегиях), которые позволяют реализовать задачи, поставленные перед участниками ЧЭС политическими лидерами этих

государств. Это прежде всего сотрудничество на основе экономических интересов и неполитический характер деятельности ЧЭС.

В рамках ЧЭС функционируют (с разной степенью интенсивности) почти 20 рабочих групп по таким направлениям, как транспорт, энергетика, экология, медицина, образование и др. В этих группах вырабатываются, а затем рассматриваются и утверждаются соответствующими профильными министрами этих стран международные документы, которые сегодня в значительной степени определяют лицо сотрудничества. Говорит само за себя их простое перечисление.

В области транспорта это два межгосударственных меморандума – о развитии кольцевой автомобильной магистрали вокруг Черного моря и морских магистралей в Черноморском регионе. В энергетике это договоренность о создании в Черноморском регионе единого энергетического рынка. В вопросах сотрудничества правоохранительных ведомств – соглашение о борьбе с преступностью, прежде всего в ее организованных формах. Имеются также соглашение о преодолении чрезвычайных ситуаций и техногенных аварий в Черноморском регионе и другие многосторонние документы.

Оказался востребованным и формат сотрудничества созданных при ЧЭС и связанных с ней органов. Это Парламентская Ассамблея ЧЭС, объединяющая парламентариев этих стран, Черноморский банк торговли и развития, финансирующий перспективные региональные проекты, Деловой Совет ЧЭС (объединяет представителей деловых кругов стран региона), а также Международный Центр Черноморских исследований, анализирующий ситуацию в Черноморском регионе и предлагающий интересные наработки для академических сообществ причерноморских стран.

Словом, Организация ЧЭС сложилась как рациональная региональная международная структура, в рамках которой страны-участницы – а также и государства, которые получили при ЧЭС статус наблюдателя и партнера по диалогу, – могут реализовать в Черноморском регионе свои планы и наметить перспективы дальнейшей совместной работы. К таким странам относятся сегодня Белоруссия, Германия, Египет, Израиль, Италия, Польша, Тунис, а также США, Южная Корея, Япония и др. В числе международных организаций, сотрудничающих с ЧЭС, – ООН, Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК ООН), Ассоциации судовладельцев и судоремонтников Черноморского региона и др.

Статус наблюдателя при ЧЭС был предоставлен Комиссии Европейских сообществ (КЕС) в 2007 г., теперь этими возможностями пользуется Европейская комиссия (ЕК). Но пока что отношения двух организаций особого развития не получили. По ряду признаков для Брюсселя более интересны контакты с отдельными причерноморскими странами на двусторонней основе.

Получается так, что в ЕС вроде бы и сохраняют интерес к некоторым направлениям сотрудничества в Черноморском регионе (образование, наука и технологии, туризм, энергетика, инновации, сотрудничество местных властей), и возможности сотрудничества на этих и других направлениях вроде бы есть. Но в Брюсселе ожидают, что активность в развитии такого сотрудничества должна принадлежать самим участникам Организации ЧЭС. Тогда как в Евросоюзе – и это говорилось неоднократно представителями Еврокомиссии, в том числе и высокого уровня – считают, что ЕК следует сосредоточить основное внимание на более общих вопросах, таких как повышение конкурентоспособности региона, специализированное территориальное морское планирование, ликвидация существующих логистических барьеров, развитие рыболовства, вопросы переработки рыбопродуктов и др. Все это, естественно – с учетом действующих в ЕС норм и правил, что далеко не всегда соответствует интересам других стран – участниц ЧЭС.

Главным координатором деятельности ЧЭС являются внешнеполитические ведомства этих стран, руководители которых встречаются дважды в год на официальных заседаниях Совета министров иностранных дел и один раз – для неформальных консультаций “на полях” сессии ГА ООН в Нью-Йорке.

Сотрудничество ЧЭС с организациями Каспийского и Средиземноморского регионов пока вряд ли правомерно называть широким, предметным и устоявшимся. Возможно, в этих двух “других” морях и хотели бы видеть Причерноморье своим активным партнером, но в ЧЭС пока такой встречной тенденции не просматривается (имея в виду сотрудничество организаций, а не отдельных стран на двусторонней основе).

В первой половине 2016 г. МИД России в очередной раз осуществляет председательство в Организации ЧЭС. Действующим Председателем ЧЭС в этот период является министр иностранных дел России С. Лавров. От председательства в ЧЭС (как в любой другой международной организации) требуется подготовить Календарь мероприятий таким образом, чтобы

в максимальной степени учитывались интересы всех участников, разработать и согласовать проекты документов, осуществлять повседневное руководство Секретариатом и решать многие другие вопросы. Итоги российского председательства подведены в ходе заседания СМИД ЧЭС 1 июля 2016 г. Информация об этом заседании приводится на сайте МИД России.

Скаков А. Ю.

Я хочу сказать о такой важной составляющей экономического сотрудничества на Кавказе, как перспективы восстановления и развития транскавказских коммуникаций. Главный Кавказский хребет, по которому с небольшими отклонениями в ту или иную сторону проходит ныне граница Российской Федерации на Кавказе, кажется сейчас не только политической, но и социально-экономической и географической преградой, барьером, буфером в развитии сотрудничества со странами Южного Кавказа. По сути его пересекают всего две полноценные коммуникации – автомагистраль (трасса «Кавказ» М-29 или европейский маршрут Е-119) и железная дорога Махачкала–Баку, и автомагистраль Владикавказ–Тбилиси (бывшая Военно-Грузинская дорога, дорога Р-301/А161 или европейский маршрут Е-117).

Коммуникации, идущие через Южную Осетию и Абхазию, заблокированы на протяжении десятилетий, и перспективы восстановления их функционирования не просматриваются. Южная Осетия выбрала, по сути, путь изоляции, а разблокированию дороги (в первую очередь, железной дороги) через Абхазию мешает целый ряд факторов. Это в первую очередь – позиция Азербайджана (а теперь и позиция Анкары), не допускающего открытие новой дороги, связывающей Армению с внешним миром. Это – и позиция самой Абхазии, не вполне представляющей себе условия и ход процесса разблокирования дороги, опасющейся неких «подвохов» со стороны Грузии. Наконец, это – скептическая позиция Запада (в первую очередь ЕС), что подтверждается общей тональностью доклада под редакцией Наталии Миримановой, подготовленного организацией *International Alert*. В данном случае мы видим, что наличие большого числа игроков (заинтересованных или не заинтересованных сторон) является гарантией неудачного исхода для проекта.

Бывшая Военно-Осетинская шоссе́нная дорога через Мамисонский перевал (строилась в 1858–1888 гг.) не функционирует, хотя она проходит де-факто за пределами границ Республики Южная Осетия. Тем не менее Цхинвал вполне в си-

лах, ссылаясь на юридически утвержденную линию прохождения границы, заблокировать этот проект. Кавказская перевальная железная дорога Орджоникидзе (Владикавказ)–Тбилиси так и не была достроена в годы перестройки, хотя, надо отметить, именно она связывает железные дороги России и Грузии по кратчайшему маршруту. Идущее на территории Дагестана строительство российского участка Аваро-Кахетинской дороги не встречает какой-либо поддержки со стороны Тбилиси.

Учитывая все вышесказанное, а также значимую роль внешнего фактора, то есть влияние таких стран и объединений, как Азербайджан, Турция, ЕС, США и других, не заинтересованных в восстановлении грузового сообщения через Большой Кавказ, целесообразно ориентироваться на проекты, затрагивающие как можно меньшее число участников. В нашем случае имеются в виду проекты, игнорирующие Абхазию и Южную Осетию с их спорным для кого-то статусом и потому не предполагающие решения вопросов о месте размещения таможни, пограничного контроля и т.д. Иными словами, по этой логике, наиболее оптимальными представляются реанимация проекта Кавказской перевальной железной дороги и дальнейшее строительство Аваро-Кахетинской шоссе́нной дороги. Также в интересах России реализация проекта по строительству Военно-Сухумской шоссе́нной дороги, как имеющей большое политическое и военное значение. Но, учитывая полублокадное положение Абхазии, значение такой дороги вряд ли выйдет за пределы частично признанной республики.

Необходимо учитывать, что транспортные коммуникации станут важнейшей связующей нитью, притягивающей Южный Кавказ к России. Именно поэтому такие проекты встречают столь негативную реакцию со стороны СМИ и политиков Запада.

Бредякин А. В.

Формирование наднациональных образований, в том числе и Евразийского Экономического Союза, способствует развитию процессов регионализации как базовой основы локальной интеграции. Данный процесс способствует реализации концепции «Европы регионов» – главного идеологического конструкта Европейского Союза. По аналогии, в рамках постсоветского пространства возможна разработка концепции «Евразии регионов», позволяющей реализовать трансграничную интеграцию в рамках ЕАЭС. Я хотел бы остановиться на перспективах развития трансграничной интеграции на Южном Кавказе.

В контексте наднациональной интеграции в качестве наиболее эффективного института трансграничного регионализма нам видятся еврорегионы, которые столь широко распространены в Европе, что превращают ее карту, по словам Перти Юенниemi, в «блюдо с макаронами». В нормативно-правовых актах нет единого подхода к тому, что называть еврорегионом. Согласно сложившейся практике еврорегион объединяет приграничные регионы, муниципалитеты, города, его участниками могут стать корпорации, общественные и территориальные объединения граждан. Цели, преследуемые при создании еврорегионов, могут носить самый различный характер: от экологической очистки приграничных рек до единого политического управления. При этом они позволяют сохранить многовекторность во внешнеполитических ориентирах страны. Еще одним преимуществом для еврорегионов, создаваемым на постсоветском пространстве, выступает возможность участия в них непризнанных или частично признанных государств. Их включение в состав приграничного образования возможно на правах территориальной общины либо муниципалитетов.

В настоящее время единственной закавказской республикой в составе Евразийского Экономического Союза является Армения, вошедшая в наднациональное образование 2 января 2015 г. Ереван сегодня можно рассматривать в качестве неофициальной столицы ЕАЭС на Южном Кавказе. Он выступает естественным центром притяжения для непризнанного Нагорного Карабаха (его независимость Армения до сих пор не признала, хотя и поддерживала весь период противостояния Степанакерта и Баку), а также грузинской Джавахетии (среди армянского большинства которого можно встретить и русских-духоборов), а с точки зрения наднациональной интеграции способен выступить «мостиком» интеграции между ЕАЭС и Ираном. Создание трансграничного регионального образования по оси Ереван–Степанакерт–Ахалцих привело бы к формированию еврорегиона, обладающего сильными экономическими связями, подкрепленными этнической составляющей. Он может выступить логичным продолжением созданного в 2009 г. еврорегиона «Евро-Кавказ» (грузинские Дманиси, Болниси, Марнеули и Ниноцминду и армянские Тавуш, Лори и Ширак), благодаря которому два грузинских муниципалитета уже вовлечены в процесс евразийской интеграции. Еврорегион будет способствовать решению проблемы непризнанного Нагорного Карабаха, так как его участниками, согласно духу европейского регионализма, мо-

гут выступить как общественные объединения, так и территориальные общины и иные субъекты международного права. Его создание актуально и для стран – участниц ЕАЭС, в частности России, ввиду военно-политического усиления ее роли, а также роли стран-союзниц в процессе противостояния блоку НАТО на Кавказе. Интересен он и в плане поддержки пророссийских (проевразийских) сил в Грузии.

Развитие приграничного сотрудничества и еврорегиональное строительство выглядит перспективным в процессе евразийской интеграции Абхазии и Южной Осетии. Признанные со стороны Российской Федерации, но не признанные другими странами – участницами ЕАЭС, они на протяжении всей своей борьбы за независимость искали форму интеграционного сотрудничества с официальной Москвой. Подписание 24 ноября 2014 г. Договора между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве и 18 марта 2015 г. Договора Российской Федерацией и Южной Осетией о союзничестве и интеграции способствовало укреплению движения этих республик в сторону евразийской интеграции.

Но вопросом трансграничной интеграции молодых политических акторов на Южном Кавказе процесс евразийской интеграции не ограничивается. В качестве потенциальных субъектов трансграничной интеграции можно привести не только Абхазию и Южную Осетию, но и расположенный на северо-востоке Грузии Ахметский муниципалитет, включающий Тушетию (населенную православными бацбийцами), а также Панкисское ущелье (с преобладающими там чеченцами-кистинцами). Их этнокультурное взаимодействие с Чечней и Ингушетией уже сегодня приобрело регулярный характер, а развитие экономических отношений укрепит многовековые связи народов. Обладая азербайджанским населением Дагестан, также как и Азербайджан, населенный аварцами, лезгинами и другими дагестанскими народами, могут предпринять шаги по созданию своих трансграничных форм сотрудничества. Это способствовало бы смягчению столь болезненного вопроса о передаче Российской Федерацией Азербайджану сел Храх-Убу и Урьян-Убу по Договору 2010 г., а также пересечению жителями приграничных муниципалитетов границы по внутренним паспортам.

Таким образом, в условиях современных геополитических и геоэкономических процессов на Южном Кавказе процесс евразийской интеграции становится возможным исключительно в рамках

регионализма и усиления роли трансграничных отношений. Перенос опыта Европейского Союза для Евразийского Экономического Союза может быть успешным в результате создания палаты регионов в системе управления ЕАЭС, по аналогии с существующим Комитетом регионов в ЕС. Трансграничная интеграция будет способствовать разрешению и снижению уровня радикализации ряда конфликтов в регионах Южного Кавказа,

формированию качественно нового уровня экономических отношений в мегарегионе и ЕАЭС.

Крылов А. Б.

В дополнение к предыдущему выступлению: некоторые выступающие говорили о неэффективности ЕАЭС, ОДКБ и кризисе самой идеи евразийской интеграции, здесь действительно имеется много проблем. Но необходимо учитывать, что все они вписываются в общий кризис, который сейчас переживают международные организации и интеграционные объединения, включая НАТО и ЕС. В условиях недостаточной эффективности в решении многих проблем и неспособности найти эффективные ответы на новые угрозы и вызовы (экономический кризис, международный терроризм, массовое переселение мигрантов и пр.) внутри международных организаций и интеграционных объединений (старых и новых) наблюдается процесс нарастания “государственного эгоизма”. В частности, растет желание обособиться и вернуть утраченные права (рост влияния

евроскептиков, референдум в Британии о выходе из ЕС и т. п.).

Будущие перспективы нынешних интеграционных объединений зависят от того, получит ли данный процесс дальнейшее развитие.

Рябов А. В.

В ходе нашего круглого стола мы не смогли выйти на некое общее понимание сегодняшнего состояния “системы трех морей”, положения и перспектив развития стран Южного Кавказа в этом контексте. Наверное, это вполне естественно. Слишком различны и многовекторны процессы, протекающие в регионе, что вполне закономерно вызывает и различные мнения и оценки у аналитиков. Если в политическом плане целостность “системы трех морей” и ее внутренняя взаимозависимость отчетливо просматриваются, то в экономическом аспекте все три моря выглядят почти изолянтами. Не сошлись наши участники в оценках влияния и сирийского кризиса и исламского фактора на Южный Кавказ, и роли крупных интеграционных объединений в регионе. Все это указывает лишь на необходимость дальнейших исследований и обсуждений и “системы трех морей”, и Южного Кавказа, для которых характерна столь высокая динамика различных общественных процессов.

Материал к печати подготовил
А. РЯБОВ
(andreyr@imemo.ru)

**THE SOUTH CAUCASUS IN “THE SYSTEM OF THREE SEAS”:
EXTERNAL THREATS AND INTERNAL CHALLENGES**
(*WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS, 2016, VOL. 60, NO. 10, PP.*)

Received 03.06.2016.

We offer our readers report on discussion at “round table” took place in editorial office of “World Economy and International Relations” April 22, 2016. Participants: Areshev A. G., Bredyakhin A. V., Cand. Sci. (History) Vorkunova O. V., Dr. Sci. (History) Goncharenko S. N., Dr. Sci. (History) Krylov A. B., Cand. Sci. (Philosophy) Murtazin M. F., Cand. Sci. (History) Mukhanov V. A., Cand. Sci. (Philosophy) Nadein-Raevskiy V. A., Cand. Sci. (History) Pritchkin S. A., Cand. Sci. (History) Ryabov A. V., Cand. Sci. (History) Silaev N. Yu., Cand. Sci. (History) Skakov A. Yu., Cand. Sci. (History) Sotnikov V. I.

Keywords: The South Caucasus; the Black, Mediterranean, Caspian seas, regional security, conflicts.
DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-10-